

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21—23 июня 2012 г.

Создание надежного будущего

**ЭКОНОМИКА АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА. ВЫЗОВЫ И
ВОЗМОЖНОСТИ**

Круглый стол

23 июня 2012 г. — 10:00—11:15, Павильон 4, Зал 4.1, Арена

Санкт-Петербург, Россия

2012 г.

Модератор:

Эвелина Закамская, Ведущая информационных программ, телеканал «Россия-24»

Выступающие:

Владимир Андросик, Председатель правления, исполнительный директор, НДЦ «АТЭС»

Клаус Кляйнфельд, Председатель, главный исполнительный директор, Alcoa Inc.

Андрей Костин, Президент — председатель правления, член наблюдательного совета, ОАО Банк ВТБ

Алексей Кудрин, Декан, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Дэвид Липтон, Первый заместитель директора-распорядителя, Международный валютный фонд

Зиявудин Магомедов, Председатель совета директоров, Группа «Сумма»

Джим О’Нил, Председатель правления, Goldman Sachs Asset Management (GSAM)

Бон-Джин Янг, Главный исполнительный директор, Hyundai Energy and Resources Ltd.

Э. Закамская:

Доброе утро, дамы и господа!

Я благодарю всех, кто нашел сегодня время для участия в этой дискуссии. Я особенно признательна нашим участникам за то, что они пришли сюда утром, в третий день напряженной работы Форума. По лицам некоторых из них я вижу, что это было непросто. И за это отдельное им спасибо.

Тема сегодняшней дискуссии: «Экономика Азиатско-Тихоокеанского региона, вызовы и возможности». Мы обратились к теме развития и интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона, потому что роль этих экономик в мире, в мировой торговле существенно возрастает, и, соответственно, будет увеличиваться их политическое влияние.

Кроме того, в этом году Россия является председателем Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Претендует Россия и на существенную роль в этом регионе. Однако для того, чтобы все сложилось, нам нужно понимать правила игры. Эти правила сложны и противоречивы. В этом мы сегодня будем разбираться. Для начала я предлагаю посмотреть небольшой видеосюжет.

<Видеоролик:>

АТЭС — крупнейшее региональное объединение мира. На 21 страну, входящую в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, приходится 57% мирового ВВП и 48% мировой торговли. По сути, сюда перемещается не только центр глобального экономического развития, но и центр политического взаимодействия по многим вопросам. Участие в АТЭС дает нам больше возможностей продавать наши товары и услуги на растущих рынках. Модернизация торговли и снятие барьеров — ключевые принципы АТЭС, и они должны продвигаться ради создания азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли. За 23 года существования организации товарооборот между странами АТЭС увеличился почти на 400%. ВВП членов сотрудничества растет в полтора раза быстрее общемирового, а таможенные барьеры внутри организации снизились более чем в три раза. Конечно, огромный интерес для наших партнеров представляют природные ресурсы Восточной Сибири и Дальнего Востока — нефть, газ, золото, уголь. Политический раунд переговоров о вступлении нашей страны в ВТО подошел к завершению. При этом Россия, как и

многие другие страны, все более внимательно относятся и к региональным соглашениям о свободной торговле. Будем надеяться, что такие региональные объединения не заменят глобальные. Важно понимать, что страны АТЭС, в том числе США, способны ускорить свой экономический рост. Это будет уменьшать воздействие европейского долгового кризиса и сейчас, и в будущем. Однако развитие идет неравномерно: ВВП на душу населения в богатых и бедных странах организации различается более чем в 45 раз; номинальный ВВП и более того — почти в тысячу раз. Четверть из более чем полутора триллионного товарооборота АТЭС обеспечивают только два участника — США и Китай. Странам Азиатско-Тихоокеанского региона необходимо сглаживать торговые дисбалансы, а также социальное и имущественное неравенство. Это важная задача для обеспечения стабильности и развития в регионе. Между странами Азиатско-Тихоокеанского региона усиливаются валютные и торговые войны. 22 группы китайских товаров в США облагаются дополнительными сборами. Мы создаем специальную торговую комиссию, которая будет уполномочена расследовать случаи неконкурентного и нерыночного поведения в таких странах, как Китай. Китай крайне обеспокоен попытками отдельных стран вмешиваться в торговую и экономическую политику других государств. Мы будем всячески оспаривать такие действия, включая обращения с жалобой в ВТО. Десять стран региона, включая Америку, Японию и Канаду, создают альтернативу АТЭС — Транстихоокеанское партнерство. Такие крупные игроки, как Россия или Китай в этот новый клуб пока не приглашены.

<Конец видеоролика>

Э. Закамская:

Итак, становится очевидно, что сегодня нам есть о чем поговорить. Я представлю участников сегодняшней программы. Это господин Бон-Джин Янг, главный исполнительный директор Hyundai Energy and Resources. Здравствуйтесь, господин Янг.

Клаус Кляйнфельд, председатель и главный исполнительный директор Alcoa. Здравствуйтесь.

Алексей Кудрин, декан факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета. Алексей Леонидович, рада Вас видеть.

Зиявудин Магомедов, председатель Совета директоров «Группы “Сумма”» и председатель Делового консультативного совета АТЭС. Зиявудин Гаджиевич, здравствуйте.

Господин Джим О’Нил, председатель Правления Goldman Sachs Assets. Здравствуйтесь, господин О’Нил.

Андрей Костин, президент и председатель Правления банка «ВТБ». Андрей Леонидович, здравствуйте.

И Владимир Андросик, председатель Правления и исполнительный директор Национального делового центра АТЭС. Владимир Иванович, здравствуйте.

Первый вопрос у меня тогда к Алексею Леонидовичу. Ответьте, пожалуйста, действительно ли экономика Азиатско-Тихоокеанского региона может претендовать сейчас и в ближайшей перспективе на лидирующую роль?

А. Кудрин:

Добрый день, коллеги.

Я уверен в том, что в ближайшие 20 лет этот регион станет главным, в основном, из-за увеличения доли Китая и более высоких темпов роста этой экономики по сравнению с другими регионами мира. Поэтому мы сегодня можем в полной мере обратить свои взгляды в этот регион, готовить новые проекты. Мы будем с ним крепко связаны. Но здесь есть и обратная связь: этот регион сегодня встраивается в новые взаимоотношения с другими регионами. Это имеет очень большое значение для глобализации. В условиях нынешнего кризиса, мы должны учитывать то, что этот регион стал более уязвим для последствий кризиса в Европе. Приведу пример: банки этого региона выдали кредиты европейским банкам. Почти 10% всех кредитов выдано европейским банкам, или точнее, европейским компаниям.

Таким образом, от ситуации в этом регионе зависит очень многое. Многие виды продукции, производимой в этом регионе, вступают в конкурентную борьбу с товарами и услугами из других стран. С другой стороны, можно сказать, что даже эта борьба способствует усилению разноуровневых связей между самыми разными и далекими друг от друга странами и территориями.

Э. Закамская:

Господин О'Нил, когда Вы предлагали миру аббревиатуру БРИК, Вы указали и на другие точки роста, не связанные с Азиатско-Тихоокеанским регионом. В аббревиатуре БРИК есть всего лишь две страны, расположенные в этом регионе.

Дж. О'Нил:

Надеюсь, я правильно понял Ваш вопрос. Как только что сказал Алексей, во многих аспектах мировой жизни ключевой фигурой является Китай. В ходе других мероприятий Форума я уже упоминал о том, что масштабам роста Китая не найти аналога за многие десятилетия, а может и больше. Приведу такой пример: только за прошлый год ВВП Китая вырос почти на 1,4 триллиона долларов. За один год Китай почти создал вторую Индию, по крайней мере, значительно больше, чем Индонезию. Чтобы как-то соотнести это с европейским кризисом, о котором мне часто приходится говорить в последние дни, можно сказать, что Китай создает эквивалент тому, что производит Греция, каждые 11 с половиной недель. Поэтому, как говорит Алексей, во всем, что происходит в мире, и тем более в таких узких сферах, как торговля и АТЭС, ситуация в Китае играет важнейшую роль. Есть и другие обстоятельства, которые, я уверен, проявятся интенсивнее и которые очень интересуют всех в азиатском регионе. Частично из-за очень быстрых темпов роста, частично в связи с историей региона в будущем здесь многое может измениться. Собственные потребности Китая в сырье и вопрос о его границе с Индией, например, обсуждаются не так часто, как другие проблемы. Кроме того, множество важнейших вопросов связано с Тайванем, Пакистаном, Индией и возможным объединением Кореи в ближайшие двадцать лет. Ситуация в этих странах очень сложна, но может породить огромное количество новых возможностей. В центре же всего — заглавная «К», Китай.

Э. Закамская:

Я предлагаю тогда продолжить эту тему уже на конкретных примерах. Господин Янг, компания Hyundai- это мультинациональный конгломерат, который успешно представлен на мировых рынках в самых разных секторах экономики, начиная от

автомобилей, которые мы все знаем, заканчивая судостроением, строительством буровых скважин. Какие рынки Вы сегодня считаете наиболее перспективными?

Б.-Дж. Янг:

Безусловно, я полностью согласен с Джимом. Китай — это очень важный рынок, однако у Китая есть собственные мощности, конкурирующие с нашими. Поэтому нам приходится искать другие рынки. Я согласен с Джимом в том, что Китай играет большую роль, но и у Китая есть свои проблемы. Сомневаюсь в том, что демографические проблемы позволят Китаю удержать темпы роста. Население страны трудится для того, чтобы обеспечить экономический рост и повысить благосостояние 1,3 миллиарда человек. Однако возникли проблемы, связанные с «политикой одного ребенка», проводимой уже на протяжении 30 лет. Молодым семьям приходится обеспечивать пожилых родителей и мужа и жены, а также себя и своего «принца» или «принцессу». Итак, одна молодая пара должна зарабатывать на жизнь семи человек. Кроме того, как бы парадоксально это ни звучало, Китай уже страдает от нехватки рабочей силы. Такая нехватка после новой годовщины КНР наблюдается в Шанхае. Только в провинции Гуандун не хватает около двух миллионов работников. Заработная плата растет, а значит, экспортная продукция теряет свою конкурентоспособность, и экспортерам приходится снижать свои ожидания. Таким образом, у России есть возможность занять на Дальнем Востоке лидирующую позицию, если она грамотно реализует проекты по строительству трансграничной инфраструктуры: железных дорог, электросетей и газопроводов. АТЭС — это в некотором роде концептуальная региональная партия. Но помимо этого АТЭС должно служить цели укрепления международного мира и безопасности. Если вам удастся грамотно реализовать трансграничные инфраструктурные проекты, поощряя при этом встраивание Северной Кореи в общемировую систему, то, по моему мнению, Россия сможет стать явным новым лидером в рамках АТЭС. Думаю, что

полное присоединение к механизмам ВТО и предстоящий сентябрьский саммит АТЭС станут ключевыми этапами российского лидерства в АТЭС.

Э. Закамская:

Приятно слышать, но все-таки это вызывает серьезные сомнения. Особенно трудно поверить в демографические проблемы Китая, да еще и сравнивать демографическую ситуацию в этой стране с Японией. Спасибо Вам за аванс, выданный России, и за предложение стать лидером. Но достаточно ли у нас для этого ресурсов — не только демографических, но и экономических? Скажите, пожалуйста, Зиявудин Гаджиевич, что Вы об этом думаете.

З. Магомедов:

Я полагаю, что в нашем случае демография, о которой Вы сказали, это, безусловно, важное обстоятельство. При этом ключевым все же является понимание нашим руководством тех перемен, которых мы так ждем. А для развития России важнейшим фактором является понимание того, что на торговлю между Европой и Азией приходится порядка триллиона долларов, а роль России в этом триллионе ничтожна и составляет менее 1%. С одной стороны, качественное, интенсивное развитие возможно с учетом ресурсной базы тех проектов, которые реализуются самой Россией внутри страны. С другой стороны, мы все находимся в глобальном транспарентном мире, поэтому нужно понимать процессы, протекающие за нашими границами, и правильно соотносить их с тем, что происходит у нас в стране. Эта корреляция не только может, но и должна дать большой импульс к развитию. Задача, которую мы ставим перед собой,— достичь уровня 3—4%. Но этого тоже мало. Мы неправильно себя идентифицируем: мы — динамично развивающаяся страна, нам надо добиться своих 8—9%, как у северного Китая.

Э. Закамская:

Как Вы считаете, в какие сроки нужно достичь этих целей? Время уходит, и ситуация меняется.

З. Магомедов:

Здесь на первый план выходит иерархия ценностей. Надо понимать, что для нас первично, а что вторично. Надо понимать, что в течение ближайших восьми — десяти лет в Индии и Китае появится порядка еще одного — двух миллиардов человек, которых можно будет отнести к среднему классу. Это первое. Во-вторых, ключевым обстоятельством развития России является наша наиболее контентная часть, железная дорога. Количество «узких мест» — однопутных участков — порядка семи тысяч километров, а дефицит припортовых железнодорожных погрузочных мощностей составляет 150 миллионов тонн. Если бы эти проблемы были решены, можно с уверенностью предположить, что мы сегодня играли бы более значимую роль. Нас тормозит отсутствие инфраструктуры. Сегодня Владимир Владимирович справедливо критиковал желание потратить много, сразу и одновременно. За этим желанием как раз и скрывается загадка и проблема качественного и недорогого строительства. Я знаком с инженерно-строительными подразделениями компании Hyundai в Китае и Корее. Там ориентируются на разумные цифры и показатели, и нам также придется привыкать к качественному планированию и разумному освоению средств — иначе это приведет к усугубляющейся структурной инфляции. Надо делать правильно, как в Китае. Другое дело, что в Китае на один город — «миллионник» могут построить два аэропорта, и находятся средства на строительство шикарных дорог, по которым никто не ездит, кроме местных фермеров, которые возят зерно и сушат его.

Основная проблема точки роста России, помимо технологической отсталости, заключается в неразвитости инфраструктуры. В рамках АТЭС мы обсуждаем трансферт технологий, а это очень чувствительный вопрос. Мы рассчитываем убедить наших партнеров, что главная цель сотрудничества — это выравнивание технологического неравенства.

Э. Закамская:

А как можно сегодня эффективно функционировать в рамках объединения АТЭС? Я напомню, что это объединение имеет крайне размытые формы и крайне размытые принципы существования по сравнению с любым другим экономическим союзом, прежде всего, с Евросоюзом. Добровольность, компромисс и взаимность — вот главные принципы, по которым сегодня существует это объединение. Андрей Леонидович, на Ваш взгляд, может ли такое сотрудничество быть плодотворным?

А. Костин:

Безусловно, Россия сравнительно недавно подключилась к этому механизму. Я не могу не воспользоваться возможностью напомнить о том, что 7—8 сентября Россия в рамках сопредседательства в АТЭС проводит саммит на Дальнем Востоке, на острове Русский, в самом Владивостоке, Надеюсь, что многие из присутствующих здесь смогут принять участие в этом мероприятии. Как председательствующий на этом саммите, могу сказать, что это очень важное событие и для России, и для всех участников. Приглашены все страны региона, стройка во Владивостоке идет полным ходом и, надеюсь, будет завершена вовремя. Есть основания предполагать, что этот саммит станет новым этапом в развитии процесса интеграции. Безусловно, страны, входящие в АТЭС, очень разные, проблемы у них тоже разномасштабные. Есть ряд направлений, которыми АТЭС занимается довольно успешно. Одно из них — развитие принципов свободной торговли, принципов свободного движения капиталов. Это является доминантой всех предыдущих встреч. Я думаю, что эти процессы будут развиваться, интеграция будет идти дальше.

Сейчас, ссылаясь на европейский опыт, многие скептически говорят об интеграции. Но я думаю, что в АТЭС будет другой вид интеграции, может быть, не столь глубокой, но, безусловно, весьма обширной.

Если можно, я бы хотел поднять другую дискуссионную тему. Мне кажется, что для России работа в рамках АТЭС важна даже не столько для получения каких-то выигрышных позиций на экономических переговорах. Мне кажется, она важна для огромного пространства России, которое называется Дальний Восток и которое Россия осваивает на протяжении столетий, и до сих пор в этом особо не преуспела. Те, кто бывал во Владивостоке, знают его как регион, где все мужчины ездят на японских машинах, а все женщины носят китайские шубы. Даже для того, чтобы собрать форум АТЭС, нам пришлось с нуля строить практически всю инфраструктуру: и отели, и дороги, и мосты, и общежития, и вообще всю структуру, которая позволит нам принять лидеров и бизнесменов стран-участников АТЭС. Перед Россией стоят очень непростые проблемы развития этого региона. У нас с одной стороны — Япония, с которой мы до сих пор не имеем мирного договора, перспективы которого, на мой взгляд, не стали ближе за весь послевоенный период, потому что не просматривается никакого решения проблемы островов. С другой

стороны лежит Китай, который мы все очень любим, но которого опасаемся. Не потому, что там военная сила и мощная экономика, а потому что там очень много людей. Китайские мужчины меньше пьют и больше работают и зарабатывают. «Окитаивание» большей части российского пространства является вполне очевидной тенденцией, и это становится определенной проблемой для России.

На мой взгляд, задача развития этого региона состоит в том, чтобы японские и китайские бизнесмены все-таки летали не в Москву, а во Владивосток или в Хабаровск, чтобы бизнес развивался там, а Россия смогла консолидировать свои позиции там как часть российской государственности, российской экономики. Это даже важнее, чем лидерствовать в каких-то структурах АТЭС.

Э. Закамская:

А как Вы думаете, в этом заинтересована только Россия, или это нужно и нашим соседям, странам АТЭС?

Господин О`Нил, США ведь тоже опасаются Китая? Мы видели выступление Барака Обамы, в котором говорилось, что он больше не хочет предоставлять конкурентных преимуществ китайским компаниям. То есть, некоторое соперничество все-таки присутствует. А если еще и Россия начнет бурно развиваться? Зачем Соединенным Штатам сильная Россия на Востоке?

Дж. О`Нил:

Как это ни странно, но чем больше мы говорим, тем больше я задаюсь вопросом: а что такое, собственно, АТЭС? Вы сравнили его с ЕС, что очень интересно: у ЕС есть четко определенная цель, а АТЭС — это, как мне кажется, нечто вроде свободного объединения стран, которые просто хотят больше сотрудничать друг с другом. Сотрудничать хотя бы в том, о чем говорил Андрей, включая тот факт, что китайцам нужно больше пить. Во многих отношениях развитие АТЭС странами-участницами приносит пользу каждой из них. Это «просвещенный эгоизм», который заставляет делать то, что усиливает экономику и конкурентоспособность. То есть по определению работает для общего блага. Конкуренция между двумя сторонами, как

правило, рассматривается как источник беспокойства, но в реальности она делает сильнее весь мир.

Если говорить о Корее, то в последние несколько лет я все чаще ловлю себя на мысли, что эта страна является в некотором роде ролевой моделью. Мы свели воедино данные по всем странам БРИК и разрабатываем индексы конкурентоспособности по 180 странам. Южная Корея занимает четвертое место среди всех стран мира. Среди стран АТЭС она занимает по этому индексу первое место. Кроме того, уже на моем веку благосостояние Южной Кореи выросло с уровня какой-нибудь африканской страны до уровня стран «Большой семерки». Итак, если говорить о том, какие шаги должны предпринять другие страны, то я лично думаю, что многим, включая Россию, следует присмотреться к Корее и к тому, что помогло ей добиться таких успехов. Инфраструктура может быть малой составляющей, необходимо сделать очень многое в отношении производительности труда, использования технологий и, конечно, не забывать об открытости в торговле. Торговля — это основа всей системы. Однако я не думаю, что следует бояться конкуренции. По-моему, конкуренция — это хорошо.

Э. Закамская:

Что Вы думаете об этом, господин Кляйнфельд? Конкуренции бояться не надо, но все-таки ее опасаются и прилагают некоторые усилия по сдерживанию своих соседей.

К. Кляйнфельд:

Думаю, за последние 20 лет Россия доказала, что конкуренции она не боится. Ей удалось добиться значительных успехов, и, по моему мнению, это устойчивая тенденция. Вместе с тем, при разработке стратегии развития необходимо понимать свою позицию, свои слабые и сильные стороны. Было бы глупо не выстроить такую основу. Что же мы имеем? Исторически сложилось так, что Россия очень сильно зависит от сырьевых товаров. Если с

учетом этого обстоятельства посмотреть на статистику, становится очевидно, что Европа — Запад — является крупнейшим торговым партнером России. Для России ЕС — торговый партнер номер один. А для ЕС Россия — третий торговый партнер, что тоже очень важно. Значимость «Газпрома» для России — это практически 25% государственного бюджета. Такова статистика. Вместе с тем, во взаимоотношениях ЕС и России существуют сложности. Думаю, ни для кого здесь не будет новостью, если я скажу, что Европа переживает серьезнейший кризис. А это влечет за собой некоторые вопросы. Вам известно не хуже, чем мне, что существуют и внутренние проблемы: снижение запасов природных ресурсов, затрудненный доступ к оставшимся, более дорогим ресурсам, изменения схемы энергопотребления, открытие месторождений сланцевого газа, доступность СПГ. Вот каково положение дел. Другая сторона вопроса, и вряд ли кто-то будет с этим спорить: Восток привлекателен, а Восток — это Китай. Все остальное — дополнение к нему и решающей роли не играет. Джим, я полностью с тобой согласен. И я считаю, что это, в общем и целом, ответ на вопрос об АТЭС. АТЭС без Китая мало что из себя представляет. А с Китаем АТЭС может приобрести вес, только начинать нужно прямо сейчас. Думаю, все это хорошо понимают, особенно здесь, в России. Интересно посмотреть на статистику: по прогнозам до 2020 или 2017 года китайский спрос на природный газ будет ежегодно расти примерно на 13%. Это огромный объем. Что касается производства и потребления Китаем нефтепродуктов, то по статистике за прошлый год тремя крупнейшими поставщиками Китая стали, в порядке значимости, Саудовская Аравия, Ангола и Иран. Россия в этом списке стоит гораздо ниже, хотя и является одной из крупнейших нефтедобывающих стран. Это указывает на некий дисбаланс.

Однако стратегические инициативы, особенно недавние, свидетельствуют о том, что руководство страны принимает в расчет эти обстоятельства. Россия, совершенно очевидно, действует, а действия начинаются с определения целей. Здесь цель фактически такая: увеличить объемы двусторонней

торговли между Китаем и Россией до 100 миллиардов долларов к 2015 году и до 200 миллиардов долларов к 2020 году. Это огромные цифры. Были сделаны важные шаги, а именно подписано 17 двухсторонних соглашений. Теперь эту структуру необходимо наполнить реальным содержанием.

Здесь возникает одна трудность. Андрей, Вы упомянули о ней вскользь, но очень по делу. Настоящая проблема — это инфраструктура. Только представьте себе. По плану все идет замечательно, мы продвигаемся на Восток и застраиваем его. Но как мы физически собираемся сделать все то, о чем здесь говорим? Вы упомянули Владивосток. Саммит АТЭС вне всяких сомнений — важнейшее событие, которое позволит России показать то, на что она способна. Вместе с тем, мы знаем о существующих трудностях, и не должны закрывать на них глаза.

При подготовке к этой встрече я просмотрел статистику. Я был поражен, когда узнал, что на Дальнем Востоке только треть российских дорог соответствует стандартам качества Всемирного банка. Это обстоятельство позволяет понять, насколько легко или сложно будет добиться поставленных целей. Еще один любопытный факт — большая часть портовой инфраструктуры на российском Дальнем Востоке была построена более 50 лет назад. И наконец, проблема, которой мы пока не касались: в России не растет население. С другой стороны, население у вас все же большое, ему нужно много земли, а условия в стране, насколько мне известно, не так уж благоприятны. Речь идет, Андрей, не только об отношении к алкоголю, о котором Вы упоминали.

Итак, на мой взгляд, трудности есть. Значит, с ними нужно как-то справляться. Хорошая стратегия должна учитывать все возможности. Речь не идет об отказе от тех связей с Западом, которые выстраивались веками. Замечательным символом этих взаимосвязей является Санкт-Петербург. Речь о том, как сочетать оба этих подхода. На мой взгляд, такая стратегия должна иметь два вектора. С одной стороны — диверсификация экономики, усиление роли высокотехнологичных отраслей, развитие автомобилестроения, IT-технологий, всего того, о чем здесь так много говорилось. С другой стороны —

экспансия в Азию и создание правильной стратегии такой экспансии. А Азия начинается с Китая.

Э. Закамская:

Это прекрасное пожелание, и мы думаем об этом день и ночь.

В реплике господина Кляйнфельда прозвучал важный тезис: необходимо диверсифицировать экономику. В то же время, когда наши партнеры говорят о том, что не нужно отказываться от Запада, что нужно сотрудничать и с Западом, и с Востоком, как правило, речь идет о том, куда России предлагается поставлять энергоресурсы — только ли на Запад или еще и на Восток.

На самом деле, о диверсификации российской экономики говорится много. Мы говорим, что это было бы положительным для всего мира, но все чаще приходим к выводу — и все чаще это звучит в экспертном сообществе, — что более чем на роль «бензозаправщика» мы претендовать не можем, и в другом качестве нас никто не ждет. Ваше мнение, Владимир Иванович.

В. Андросик:

Это правда. Россия многими воспринимается как некая «батарея» этого мира, по крайней мере, ее хотят воспринимать такой. Поскольку АТЭС является компромиссной организацией, то на сегодняшний день мы можем наблюдать интерес со стороны наших партнеров в развитии следующих направлений. Первое: этот регион хочет усиливать свою торговлю с Европой. Очевидно, что путь через Россию — самый дешевый. Соответственно, партнеры считают, что развитие инфраструктуры, прежде всего — транспортной, позволит решить общие задачи региона: это будет win-win стратегия для каждой страны. Второе. Поскольку АТЭС, как уже было сказано, это компромиссная организация, в ее рамках обсуждаются различные общегуманитарные вопросы, например, продовольственная безопасность. По оценкам партнеров, Россия имеет дополнительный потенциал поставки сельскохозяйственной продукции, в первую очередь — зерна, порядка 20 миллионов тонн. Причем реализовать этот потенциал, можно за три—четыре года.

Э. Закамская:

Поставки на Восток?

В. Андросик:

Да, на Восток. Это тоже, несомненно, выигрышная для всех стратегия. Про энергетику мы уже говорили. Речь идет не только о нефти и газе — партнеры просят надежно обеспечивать поставки электроэнергии. Вот те три направления, которые постоянно обсуждаются в рамках АТЭС.

Э. Закамская:

Все-таки есть смысл сегодня бороться.

А что Вы, Зиявудин Гаджиевич, скажете по поводу поставок зерна? Наши традиционные партнеры все-таки находятся в Европе, Турции и Египте. Какие у нас возможности наладить этот рынок сбыта?

З. Магомедов:

Основными покупателями нашего зерна на сегодняшний день являются все же не европейцы, а страны Северной Африки.

Россия в прошлом году экспортировала 23 миллиона тонн зерна. У нас, к сожалению, проблема все та же, банальная. Потенциально за пять лет только алтайский «Зерносоюз» может увеличить производство зерна с 5 до 15 миллиардов. Проблема связана с расходами на железнодорожные перевозки. Существующие тарифы слишком высоки, и, чтобы поставки зерна были экономически привлекательными, надо включать некие механизмы, в том числе те, которые предписаны Всемирной торговой организацией. Я имею в виду так называемую «желтую корзину». Это позволит снизить стоимость перевозки, и тогда у нас появится возможность транспортировать порядка 10—12 миллионов тонн зерна на рынки Юго-Восточной Азии. Всего в мире около 925 миллионов людей не обеспечены продовольствием в достаточной мере. Порядка 850 миллионов испытывают недостаток пресной воды, а 875 миллионов — не имеют доступа к электричеству. Основные болевые точки находятся в Африке, все эти проблемы наиболее остро стоят именно на этом континенте.

Э. Закамская:

Китай недоедает, его тоже нужно кормить.

З. Магомедов:

В Америке огромное количество зерна тратится на производство этанола, это тоже вызывает иногда некую озабоченность у наших коллег. С другой стороны, я думаю, что они движутся в правильном направлении: производство чистых биологических видов топлива — это тоже очень важно.

При этом в России расположены 20% мировых запасов пресной воды. Это поистине неисчерпаемые объемы. Следовательно, у нас есть огромный потенциал для увеличения производства зерновых культур. Что же касается рынков потребления, то Европа, безусловно, является традиционным рынком для российских товаров, а трендом в течение последних семи — десяти лет является растущий азиатский рынок. Естественно, в последнее время мы все более внимательно посматриваем и в ту сторону.

Э. Закамская:

Первое место по разведанным запасам газа, второе место по запасам пресной воды — таково положение России. Можно и дальше перечислять наш потенциал, но речь должна вестись о реальных возможностях. Что сегодня необходимо для того, чтобы улучшить инфраструктуру? Справимся ли мы с тем, чтобы самостоятельно ее освоить и наладить? Или мы сейчас нуждаемся в приходе инвесторов?

З. Магомедов:

Никто же не отменял известное правило Джона Мейнарда Кейнса, которое он высказал в 1932 году. Согласно этому постулату, точка роста России — строительство инфраструктуры. Сразу отвечу на возможный вопрос по поводу инфляции. Надо просто ограничить расходы, сократить стоимость инфраструктурных проектов. В этом отношении, по всей видимости, велика будет роль такой формы организации предприятий, как ЧГП, частно-государственное партнерство. Частный бизнес будет внимательно следить за расходами своих средств на каждый километр железной дороги, на строительство очередного моста и так далее. Я полагаю, что в

рамках такого партнерства можно совершить огромный рывок вперед, построив второй Транссиб, БАМ или совершенно новую скоростную трассу, которая свяжет Китай и Индию с Европой. Участие частного бизнеса просто необходимо, иначе это будут запредельные расходы, иначе это будет долго, и, признаемся себе в этом, не слишком эффективно.

Э. Закамская:

Тему стоимости километра дорог я тоже не могу обойти вниманием. Когда мы сравниваем стоимость строительства дорог в Китае и в России, то, как правило, от властей, от чиновников можно услышать, что у нас совсем другой рельеф. Но к Дальнему Востоку Китай-то ближе! Все-таки можно было бы уже сопоставить и синхронизировать затраты.

З. Магомедов:

Можно сколько угодно говорить о топографии, ландшафте, и так далее, но проблема для нас состоит и в том, что у нас с Китаем несопоставимы масштабы железнодорожного строительства: в год Китай строит тысячу километров новых железных дорог.

Э. Закамская:

Да, мы это знаем. Смотрим и завидуем.

З. Магомедов:

Закон диалектики: переход количества в качество. Они за эти годы научились строить правильно. Я полагаю, что и мы должны определить иерархию наших проектов — решить, что нам нужно. Потому что иногда мы строим то, что не нужно. Денег у нас, как все мы знаем, мало. А вот уходит их много. Много денег вкладывается в американские, европейские рынки, и так далее. Если направить их на внутренние инвестиционные проекты, денег будет достаточно.

Э. Закамская:

Что ненужного мы уже построили?

Алексей Леонидович хочет сказать.

А. Кудрин:

Давайте про инфраструктуру. Дело в том, что я неоднократно говорил, что ежегодный объем инфраструктурного строительства в стране нам нужно увеличить раза в четыре как минимум. Мы просто катастрофически отстаем по строительству инфраструктуры. Проблема в популизме властей. Я сегодня признаюсь: мне в свое время не удалось это преодолеть. Если мы не будем решать пенсионную проблему в рамках нашей сложной демографической ситуации, то все наши ресурсы будут «съедены» за очень короткое время. Сегодня мы тратим 2% ВВП на дефицит Пенсионного фонда. Через пять лет будем тратить 3%. Мои предложения о том, что нужно менять пенсионный возраст, искать другие решения, позволяющие высвободить ресурсы для развития инфраструктуры, сегодня не принимаются.

Второй пример. Мы сегодня, по сравнению с любой другой страной с похожей структурой экономики, очень много тратим на субсидии предприятиям, бизнесу. Неимоверно много, 2—3% ВВП. Эти расходы можно сократить и направить высвободившиеся средства на инфраструктуру. Я вам только что назвал 5% ВВП, которые в рамках бюджета можно перераспределить на строительство инфраструктуры. Нежелание этого делать, желание поддерживать патерналистскую систему поддержки некоторых отраслей, определенный социальный популизм, — все это и лишает нас возможности строить серьезную инфраструктуру. В этом смысле я Зиявудину отвечаю: нам необходимо не увеличение расходов за счет еще большего использования средств от нефти, а перераспределение объема тех ресурсов, которые у нас на сегодня уже имеются.

Я с большой ответственностью говорю, что в ближайшие 2—3 года мы все убедимся в том, что уровень расходов, который на сегодня заявлен, нам не потянуть — ни по социальным вопросам, ни по расходам в целом. Сегодня мы тратим бюджетные деньги в расчете на цену от 115 долларов США за баррель. Наш бюджет балансируется только при цене на нефть 115 долларов за баррель. Поэтому нам нельзя наращивать расходование ресурсов внутри страны, и конечно, необходимо произвести перераспределение инвестиций на инфраструктуру.

Во-вторых, я думаю, что определенным ограничителем активности в дальневосточном регионе является, к сожалению, и позиция власти. Мы

ограничиваем приток иностранных инвестиций в этот регион. Речь не идет о каких-то непреодолимых законодательных ограничениях, хотя они тоже существуют. Нам нужно смелее создавать совместные предприятия, смелее разрабатывать месторождения и добиваться переработки продукта на этой территории. Речь идет об освоении и переработке любых природных ресурсов, как возобновляемых, так и невозобновляемых. Конечно, мы будем зависеть от пикового притока рабочей силы из других регионов. Но этого не надо бояться. Нужно создать понятные правила для этого региона, и активность здесь сразу увеличится.

И последний момент, имеющий отношение к инфраструктуре. Я считаю, нужно допустить существование элементов частной инфраструктуры. Разумеется, это допустимо только при соблюдении одного принципиально важного условия: инфраструктурные объекты должны отвечать критерию всеобщей доступности. Частный же характер их принадлежности будет означать только то, что доходы от их использования будет получать собственник. Повторюсь: доступность инфраструктуры для всех пользователей, несомненно, должна быть прописана на законодательном уровне. Мы сможем существенно нарастить темпы строительства инфраструктуры за счет частных инвестиций. Например, прокладывание дорог к месторождениям может быть существенно ускорено за счет частных средств.

А. Костин:

Пример от «ВТБ»: В Питере реализуются два проекта по инфраструктуре, «Пулково» и «Западный скоростной диаметр». Вчера мы подписали документы — там сумма свыше 10 миллиардов долларов США. Может быть, она для Дальнего Востока не очень существенная, а для нас немалая. Там нет государственных денег, там есть встроенные государственные механизмы, которые дают определенные гарантии инвестору, и тридцатилетние концессии.

Э. Закамская:

Андрей Леонидович, а каковы будут в таком случае источники дохода для частного инвестора?

А. Костин:

Тридцатилетняя концессия, с возможным продлением еще на 30 лет — это абсолютно реально, особенно в случае аэропортов. В подобных случаях есть абсолютно четкая доходность, причем привязанная к курсу валют. Просто государство должно уделять этому больше внимания. У нас до сих пор ГЧП воспринимаются как единичные случаи. Была идея развивать эту программу, потом случился кризис, и стали строить за бюджетные деньги. Но сейчас такое время, когда непросто получить деньги даже для ГЧП, потому что инвесторы стали более подозрительными. «Длинные» деньги найти нелегко. Но мне кажется, что именно таким должен быть основной путь развития инфраструктуры. Почему мы строим дорожке китайцев? Если Розенбаума перефразировать, то получается, что у нас — любить так любить, гулять так гулять, украсть так украсть. Поэтому все и стоит дорожке. У китайцев всего понемножку, а тут у нас размах другой. Я хочу, чтобы было создано министерство по Дальнему Востоку, это момент, я считаю, ключевой.

Э. Закамская:

Вы сказали, что финансируете дорожные проекты в Санкт-Петербурге и Москве, а на Дальнем Востоке пока нет.

А. Костин:

На Дальнем Востоке пока нет, потому что государственная поддержка нужна в виде институциональных соглашений. Кроме того, там есть определенные обязательства государства.

Э. Закамская:

В таком случае, я хочу обратиться с вопросом к нашим зарубежным гостям. Господин Янг, что Вы можете сказать по поводу инвестиционного климата на Дальнем Востоке? Что препятствует приходу бизнеса и вложению денег именно на Дальнем Востоке?

Э. Закамская:

Это будет озвучено, но Вам наверняка уже известно о таких предложениях.

З. Магомедов:

Вы знаете, что совершенствование транспортных систем является одной из важнейших задач России. Взаимный интерес очевиден. Кроме этого, мы продвигаем некоторые другие инициативы, учитывая, например, тот факт, что почти половина населения земного шара — около 49% — на сегодняшний день является городским. Процесс происходит очень интересно. Мы вновь обратили внимание на известную концепцию живых городов. Мы знаем, что есть инициатива Клинтона C40. Мы знаем, что существуют глобальные экологические стандарты, такие как LEED и BREAM. Мы инициировали разработку и внедрение российского национального экологического стандарта, который собрал бы в себе все лучшие практические наработки. Деятельность по обеспечению продовольственной безопасности конвертирована нами в глобальное продовольственное партнерство. Основные элементы — это технологии, информационная открытость по аналогии с AMIS, инициативой «Большой двадцатки».

Одна из проблем, препятствующих успешному осуществлению этой программы, — отсутствие достоверной информации. Немало сложностей порождает и волатильность рынка. Очевиден разрыв между реальными физическими объемами производства и деривативами, выпущенными с коэффициентом 10—15. Это тоже является проблемной точкой всех сырьевых рынков — нефтяного, газового и других. Результат, которого мы хотим достичь, это идентификации роли России в данном транзите. Я думаю, что это вполне может стать точкой реализации совместного проекта.

Что касается тезиса, который выдвинул Алексей Леонидович, то я абсолютно с ним согласен. Создание SPV западными или восточными компаниями — это важный элемент бизнес-инициативы, который может качественно изменить ландшафт нашего рынка. В моем понимании, присутствие государства должно сохраняться в инфраструктурных проектах, к объектам которых должен быть гарантирован равный доступ. Инфраструктурный потенциал должен набрать достаточную емкость. Все остальное сделает частный бизнес. Поверьте мне, у него это получится гораздо лучше, чем у госкомпаний.

Э. Закамская:

Я предлагаю продолжить опрос мнений наших зарубежных гостей по поводу перспектив создания совместных предприятий и тех условий, которые сформированы для этого в России.

Компания Alcoa, представленная в России и в 31 стране мира, на сегодняшний день является одной из крупнейших металлургических компаний. Господин Янг сказал, что у нас много времени уходит на то, чтобы открыть офис, — два с половиной месяца. Я не знаю, сколько времени требуется для этого в Китае, но, возможно, Вы можете сравнить и определить, где созданы более комфортные условия для работы и насколько российские условия отвечают этим стандартам.

Б.-Дж. Янг:

Да, у нас есть инвестиции на Дальнем Востоке. Только Hyundai инвестировал 40 миллионов долларов в строительство в Приморском крае завода по производству КРУЭ. КРУЭ — это электрораспределительные устройства с элегазовой изоляцией. Во Владивостоке у нас есть отель «Хёндэ», — а также две фермы в Приморском крае, которыми я сейчас руковожу. При этом нам часто приходится сталкиваться с бюрократией. На одной из сессий Форума я рассказывал о том, что в Корее если кто-то переезжает, то вечером он ложится спать в ту же кровать, в которой проснулся утром в день переезда. Все делается настолько быстро. У нас быстро все, а быстрота доставки и услуг по переезду — это символ всей системы. Но когда я переезжал из Владивостока в Уссурийск, из нашего офиса на одну из ферм, то это заняло у нас два с половиной месяца. Если работать с такой скоростью, то конкурировать с другими невозможно. Думаю, что ускорение всех процессов — это та сфера, где России необходимо продвинуться вперед.

Если говорить о Китае, то с точки зрения Кореи он важен. Однако ориентироваться только на Китай, возможно, не очень хорошо для целей глобального лидерства. Я представляю Корею. Китай — это единственный старший брат Северной Кореи. Но мы хотели бы иметь двух или трех старших братьев. Я имею в виду, что раньше Россия была более важным старшим братом, чем Китай. Сегодня у вас есть возможность вернуть это положение,

если вы будете правильно действовать в этом регионе. Хотелось бы более подробно остановиться на трех направлениях, о которых я упоминал ранее. Прежде всего, газопроводы. Мы импортируем примерно 35 миллионов тонн СПГ. Если вы построите газопровод через Северную Корею, то у вас будет и средство влияния на нее, и доход. СПГ дороже, чем газ, транспортируемый по газопроводам, так что для нас было бы выгодно импортировать из России напрямую. Если вы свяжете Транссибирскую магистраль с южно-корейской железнодорожной сетью, то у вас появится доступ в хорошо обустроенные, незамерзающие порты в Южной Корее. То есть вы сможете воспользоваться уже существующей в Южной Корее инфраструктурой. Вам не придется ничего больше строить. В том, что касается электричества, наши мощности составляют примерно 76 миллионов киловатт. Если у вас будет нехватка электроэнергии, то вы сможете присоединиться к сети и использовать излишек выработанной энергии, просто соединив Россию и Южную Корею через Северную Корею. Обсуждение этих вопросов в составе повестки дня сентябрьского саммита АТЭС стало бы ключевым этапом переходного процесса развития российской экономики. Думаю, этот саммит станет важнейшим событием, которое позволит России занять среди стран АТЭС лидерские позиции в экономической сфере.

К. Кляйнфельд:

Можно провести сравнение. Как Вы правильно сказали, мы работаем во многих странах, а в России общая сумма наших инвестиций составляет примерно 1 миллиард долларов. У нас в России два больших завода и более пяти тысяч работников. Честно говоря, нам потребовалось приложить огромные усилия для того, чтобы вывести наше производство на мировой уровень, каковой мы поддерживаем по сей день. Правды ради, просто не могу не упомянуть о том, что в процессе нам пришлось столкнуться со многими трудностями. Однако, на мой взгляд, есть один критический момент. Конечно,

с административными барьерами всегда нужно бороться, я с этим полностью согласен. Недавно, около двух лет назад, на совещании консультативного совета по иностранным инвестициям председатель предложил создать нечто вроде «горячей линии». Так была создана должность омбудсмена, на которую назначен Игорь Шувалов. Это была хорошая, очень хорошая инициатива. Мы обращались к нему в двух случаях. Один из этих случаев как раз касался порта на Дальнем Востоке, где у нас возникли проблемы, которые затем были решены. Очень хорошая инициатива.

Конечно, административные барьеры существуют, в России, возможно, больше, чем где бы то ни было. Но я рассматриваю это как часть переходного процесса, который, как думается, развивается правильно. В течение долгих лет я жаловался Алексею Кудрину на налоговое бремя, на огромное количество административных процедур и документов. Могу сказать, что в иные годы нам приходилось делать больше 80 тысяч бумажных копий документов для налоговых органов, а наша деятельность не так уж сложна, для ее отражения не нужно 80 тысяч копий. Хорошая новость заключается в том, что сегодня наш завод является одним из пилотных заводов, перешедших на электронный документооборот. Уже в этом году объем бумажных документов уменьшился на 50%, а в следующем он уменьшится на 90%.

Однако главная сложность, с которой мы столкнулись, это разница в менталитете. Например, мы придаем огромное значение вопросам безопасности. На наших заводах всегда было довольно много несчастных случаев, которые, конечно, происходили ненамеренно. Должен сказать, что сегодня эти заводы соответствуют мировому стандарту безопасности. Для любого сотрудника условия работы на заводе Alcoa в 40 раз более безопасны, чем условия на любом другом промышленном предприятии в Соединенных Штатах. Это также верно и в отношении России. На это ушло много сил и времени, но добиться такого уровня реально. Думаю, наша компания — не единственный пример, есть и множество других.

В том, что касается партнерства государственного и частного секторов, я полностью согласен с прозвучавшими здесь мнениями. Этот механизм обладает огромным потенциалом. В мире испытаны различные модели такого партнерства. По такой схеме работают многие. Как совершенно правильно сказал Андрей, для того, чтобы создать хорошую бизнес-модель, нужен постоянный обратный поток. Могу сказать, что инвестировать в российскую экономику хотят очень многие компании.

Э. Закамская:

Господин О'Нил, что Вы по этому поводу думаете? Вы видите улучшения?

Дж. О'Нил:

Ранее, говоря о Южной Корее, я уже упоминал об индексе конкурентоспособности. Мы составляем особый индекс условий роста (Growth Environment Score), при расчете которого используются 18 различных переменных, имеющих значение для устойчивого роста и производительности. Важно отметить, что в число этих 18 переменных инфраструктура не входит. Но возможность создать хорошую инфраструктуру, находящуюся в коммерческой собственности и приносящую экономике доход, зависит от этих 18 переменных. Посмотрим, какое место занимает Россия. Индекс имеет значения от 0 до 10, и я приведу несколько примеров. Индекс для Южной Кореи составляет 7,7. 10 — это наилучший результат, «Манчестер Юнайтед» среди индексов условий роста. У Китая и Бразилии два лучших результата среди четырех стран БРИК при значении индекса 5,4. Самый низкий показатель у Индии, не у России. Тем, кто шлет мне электронные письма с вопросом, что делает «Р» в составе БРИК, я могу ответить, что среди четырех стран на деле самая слабая — Индия, а не Россия. Не знаю, сколько времени займет открытие офиса в Индии, но подозреваю, что гораздо больше, чем в трех других странах этой группы.

Ситуация в России неплохая, но если Россия хочет ее улучшить и активнее торговать с интересными партнерами в Азии, то она должна принять меры для повышения своего индекса условий роста. Я не уверен, что, сосредоточившись лишь на инфраструктуре, вам удастся добиться прямых результатов. Речь идет о другом: об использовании различных технологий, о поддержке научных исследований и разработок, обо всех основных переменных. Кстати говоря, образование — возможно, единственный из параметров, по которому в сравнении с другими Россия имеет довольно высокие показатели. Для россиян это совершенно точно так. Индия по этому параметру находится ниже всех.

Еще один важный аспект, о котором с таким энтузиазмом говорит Алексей, — цены на нефть, сама нефть, добыча сырья — также не входит в упомянутые 18 переменных. Я часто ловлю себя на мысли о том, что полностью поддерживаю действия Алексея в замечательное время его пребывания на посту министра финансов. Возможно, России следует самой стремиться к снижению цен на нефть, поскольку в экономике существует такое явление, как «голландская болезнь». У Южной Кореи, например, с ее индексом условий роста в 7,7 баллов, не очень много сырья. Располагать нефтяными запасами и считать, что цены на нефть так и будут расти, — это опасно. Думаю, нужно предусмотреть какое-то специальное условие, согласно которому государственные средства на строительство инфраструктуры можно использовать, только если цены на нефть опустятся до 20 долларов. Нужно сосредоточиться на всех остальных параметрах, тогда и инфраструктура появится. По крайней мере, таково мое убеждение, возможно, несколько наивное.

Э. Закамская:

Не надо так сильно пугать нас: 20 долларов — это уж слишком. В стране постоянно говорят о том, что очень важно не иметь в виду нефтегазовые доходы, рассчитывать не на них, а на другие источники доходов. Пока, к сожалению, этого не получается.

У нас остается совсем немного времени. И, тем не менее, я хотела бы услышать ответ на вопрос от наших российских участников. Все-таки, Владимир Иванович, зачем нам АТЭС? Мы в начале программы упомянули, что это структура, которая существует на добровольных и необязательных условиях. Я напомню, что создание зоны свободной торговли было целью АТЭС. Эта цель была декларирована еще в 1994 году. В 2010 году зона уже должна была функционировать. Этого не случилось, и на место АТЭС приходят более узкие локальные союзы, которые решают свои, в том числе — и политические проблемы. Я имею в виду и Транстихоокеанское партнерство, и зоны свободной торговли, которые рассматривают сейчас страны Юго-Восточной Азии. Может быть, и нам сосредоточиться на таких отношениях, а АТЭС рассматривать как своего рода клуб по интересам?

В. Андросик:

Да, действительно, были приняты «Богорские цели», где говорилось о том, что к 2010 году развитые страны должны сформировать зону свободной торговли. Развивающиеся, как предполагалось, должны были прийти к этому к 2020 году. Эта цель пока не достигнута, но время еще есть. На самом деле, был продемонстрирован неплохой результат — сначала были заявлены «Богорские цели», а затем начался процесс снижения среднего таможенного тарифа. На сегодняшний момент этот важнейший показатель снизился с 20% до 5%. Как видим, движение есть, и это движение в заданном направлении.

Кроме того, АТЭС — это не организация, это форум. Там компромиссно обсуждаются различные вопросы, порой противоречивые. Если какая-то группа стран приходит к компромиссу, то они могут создавать организацию уже иного — обязывающего типа. Поэтому Тихоокеанское партнерство, «АСЕАН плюс 3», «АСЕАН плюс 6» — эти форматы воспринимаются всеми участниками как промежуточный шаг к достижению целей АТЭС. В этом нет никакого противоречия.

Э. Закамская:

И все-таки — какие цели будет преследовать здесь Россия?

А. Кудрин:

Мы создали с Белоруссией и Казахстаном Таможенный союз. Теперь мы уже вместе можем вести переговорный процесс, добиваться подписания соглашений о свободной торговле с отдельными участниками АТЭС. Я думаю, здесь нет противоречий: Россия не случайно создает тихоокеанский таможенный союз, вектор нашего дальнейшего развития идет в Азию. И я думаю, что на базе достигнутого уже можно и нужно создавать национальную экономическую дипломатию и вести переговоры о зонах свободной торговли со всеми государствами АТЭС как по отдельности, так и в рамках этого форума.

Э. Закамская:

Со всеми, наверное, все-таки не получится, наверняка будут приоритеты.

А. Кудрин:

Я думаю, что получится. Конечно, это будет происходить поэтапно, начиная с небольших стран — таких, как Новая Зеландия. Этот процесс только-только начался, и, если он пойдет успешно, у нас появится шанс достичь успеха в формировании подобных договоренностей и с крупнейшими странами АТЭС.

Э. Закамская:

Господин Кляйнфельд, как Вы оцениваете такие шансы? Я имею в виду шансы организовать зоны свободной торговли и пополнения Таможенного союза на постсоветском пространстве, к которому, как я понимаю, вот-вот должна присоединиться Новая Зеландия.

К. Кляйнфельд:

Глядя на приоритеты России со стороны, я бы сказал, что это не главный из них, и работа по верным направлениям ведется. Я уже упоминал, что в ходе совсем недавнего официального визита были определены цели, довольно смелые, но реальные с учетом значительного роста, наблюдаемого в Китае. Что касается ориентации на Китай и Азию — думаю, Вы правы: с геополитических позиций очень правильно развивать связи и с другими странами, прежде всего с Южной Кореей, по целому ряду причин. Одна из

этих причин состоит в сильной ориентированности Южной Кореи на высокие технологии и в существовании там компаний, подобных Вашей, которые могут содействовать диверсификации экономики. Было бы глупо не воспользоваться этим. Это лучше и с точки зрения различий в менталитете, поскольку я считаю Корею сильно вестернизированной страной. Я вижу здесь большую вероятность успеха. Новая Зеландия как новый стратегический партнер по альянсу в будущем — честно говоря, на мой взгляд, это немного надуманно.

Э. Закамская:

Да, это своего рода экзотика. У нас осталось всего 10 минут. Если есть вопросы из зала, то я предлагаю перейти к ним. Думаю, что мы успеем ответить на несколько вопросов.

Е. Теплицкая:

Елена Теплицкая, президент Американско-Российской торгово-промышленной палаты. Несколько кратких замечаний.

Вчера у нас проходила панель ВЭБа — как раз о господдержке инфраструктуры. И в связи с этим хотелось бы услышать, — я этого не услышала — о том, насколько важно для России развитие внутреннего рынка. Это как раз то, что помогает справляться с последствиями кризиса и предотвращать сильнейшее влияние кризиса на устойчивое развитие экономики страны.

Не услышала я также о важности поддержки малого и среднего предпринимательства. Эта поддержка всем надоела: давать не хотят, микрокредиты — это головная боль, но без этого в России не будет среднего класса того необходимого уровня, который обеспечит развитие экономики России, социальную и политическую стабильность страны.

Дальше. Я не услышала о том, как важно развивать государственно-частное партнерство, используя те успешные модели стран БРИКС, которые уже применяются на практике. Это не только концессии, но и, как, например, в Китае, Infrastructure for Resources, IFR, Build-Operate-Transfer, BOT, которые уже доказали свою успешность. В странах БРИКС отработано целевое интенсивное финансирование одного из регионов. Другое дело, что Сибирь и Дальний Восток —

это огромный кусок России, сравнимый по масштабам с целым материком. В Дели прошла сессия, которая приняла решение об образовании банка БРИКС как раз для таких целей. Новая, еще не формализованная группа стран — БРИКС плюс SK (South Korea, Южная Корея) — вполне может оказать в этом процессе существенную помощь.

Э. Закамская:

Поддержка малого и среднего бизнеса. Андрей Леонидович, хотите что-нибудь сказать?

А. Костин:

Я думаю, что тема малого и среднего бизнеса безусловно важна. Возразить здесь нечего. Что касается разных форм ГЧП, то, конечно, каждая из форм подходит для той или иной области, и это логично.

Что касается различных банков, то стоит ли банки по каждой проблеме создавать — опыт покажет. Я пока не знаю. Может быть, стоит сделать какое-то укрупнение имеющихся структур. У нас есть «Внешэкономбанк», и правильно, что не стали создавать корпорацию по Дальнему Востоку. Если выделить проект Дальнего Востока в рамках того же «Банка развития», мне кажется, это будет вполне адекватным решением. Лучше дать государственную поддержку уже существующей организации, чем создавать структуру заново: сначала здания искать, машины и секретарш, а уже потом начинать работать.

А. Кудрин:

Я хотел бы попытаться ответить на предыдущий вопрос. У нас каждый россиянин знает, что в США, и в Нью-Йорк особенно, лететь очень далеко, от 10 часов. Как-то забывается, что мы с США соседи: у нас общая граница. И АТЭС — это тот регион, где у нас два соседа, Китай и США, величайшие экономики мира. А если добавить сюда Японию и Корею, то мы в одном регионе имеем, я бы сказал, ядерный потенциал для работы. Причем плюс территория, плюс природные ресурсы. Взаимные интересы настолько высоки, что я могу сказать, что потенциал АТЭС далеко не реализован, и в первую очередь — для России. Сегодня Россия едва ли

не больше всех остальных стран региона заинтересована в том, чтобы реализовать этот потенциал.

Еще раз повторю: самое главное ограничение — наша собственная российская политика в отношении того, как, на каких условиях, кого, и насколько быстро допустить на эти территории.

В Сочи для строительства крупного градостроительного и курортного комплекса мы мигрантов завозим. Здесь, в этом регионе, мы можем иметь просто столицы для развития, и тогда малому бизнесу здесь будет много места. Работы хватит всем, включая мигрантов.

У нас с крупнейшим восточным соседом есть общая проблема — у нас государственная экономика, и мы по-прежнему поддерживаем крупные корпорации. Почему-то у нас принято считать, что без крупных корпораций ни одна проблема не решится. В этом отношении, я полагаю, нам нужно допустить бóльшую конкуренцию. При этом нужно усилить контроль за соблюдением правил игры всеми игроками. Корпорации, крупные компании неформально завоевывают свое место. Нужно эти неформальные правила сделать более прозрачными, тогда у нас и малый бизнес заработает.

Э. Закамская:

Еще два вопроса мы успеем задать. Пожалуйста.

Й. Хилл:

В качестве посла такой маленькой экзотической страны, как Новая Зеландия, я просто обязан защитить ее честь. Наша страна маленькая, но в торговой политике, полагаю, пользуется значительным доверием во всем мире. Мы также являемся соседом России, а тот факт, что между нами 10 тысяч километров океана, делу не мешает. Я хотел бы прокомментировать использованное господином Кляйнфельдом слово «стратегический». Называть наше партнерство стратегическим альянсом — это что-то из области фантастики. Мы не используем этот термин. Инициатива руководителей наших стран, насколько я понимаю, состоит в заключении соглашения о свободной торговле. Для России это стратегический шаг в той

же мере, что и для Новой Зеландии. Думаю, для России это первый шаг. Его назвали пробным, пилотным проектом по расширению присутствия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который, как уже говорилось, развивается очень динамично и в котором торговля растет в геометрической прогрессии. Новая Зеландия — часть этого процесса. Мы стали первой страной, которая подписала соглашение о свободной торговле с Китаем, мы провели переговоры с Индией и Кореей. Новая Зеландия заключила соглашение о свободной торговле с АСЕАН и участвует в Транстихоокеанском партнерстве. Мы полностью вовлечены в этот процесс. Россия ранее в нем не участвовала, она делает первый стратегический шаг, и мы приветствуем его. Мы с нетерпением ждем подписания соглашения. Это произойдет в сентябре во Владивостоке, если все сложится удачно. Я считаю, что оно даст прекрасный стимул. Благодарю за предоставленное слово.

Э. Закамская:

Я благодарю Вас за комментарий, и мы надеемся, что у Вас будут последователи. Еще вопрос? Да, пожалуйста.

Н. Мурашкин:

Николай Мурашкин, аспирант Кембриджского университета. У меня вопрос к Алексею Кудрину по поводу России и ее сотрудничества с Азиатским банком развития. В середине 2000-х годов у России была перспектива вступления в этот банк, причем в роли донора. Тогда не складывались договоренности с США, с Японией. Как обстоит ситуация сейчас, есть ли перспективы? Целесообразно ли это в настоящий момент?

А. Кудрин:

И тогда, и сейчас я за то, чтобы мы были участниками Азиатского банка развития. Это накладывает определенные обязательства, в том числе донорские, но я думаю, что общий эффект будет существенно больше. Я сейчас не буду перечислять те препятствия, которые стояли перед нами. Здесь присутствует заместитель министра

экономического развития Лихачев — он, наверное, больше знает, что сейчас происходит с заявкой, но я ее в любом случае поддерживаю.

Э. Закамская:

И последний вопрос мы успеваем задать. Пожалуйста.

И. Нестеров:

Тюменская область, «Роснефтегаз», Сибирское отделение Российской академии наук. Нестеров Иван Иванович.

У меня такой вопрос. Государство стремится поддерживать крупные компании. Может быть, это и нужно, но нужно их контролировать, причем контролировать жестко. Одновременно нужно усиливать роль малого и среднего бизнеса. Я вам приведу только один пример: отношение крупных компаний к нефти. Я думаю, что к нефти отношение отрицательное, хотя я уверен в том, что альтернатива нефти есть. Вопрос заключается в том, как организовать строгий контроль над крупными компаниями. Иначе мы — приведу такой пример — в ближайшее время потеряем примерно 6 триллионов долларов из-за того, что 15 миллиардов тонн нефти загоним из извлекаемых запасов в неизвлекаемые. Вот в какой сфере необходимо наладить контроль над крупными компаниями.

К. Кляйнфельд:

Эта проблема является ключевой почти для всех тем, которые обсуждались на Форуме. Насколько я могу судить, в России прекрасно отдают себе в этом отчет, как и в том, что экономику необходимо диверсифицировать. Очевидно, что диверсификация касается не только фундаментальных отраслей промышленности, как, например, аэрокосмическая. Россия стала вторым по величине автомобильным рынком в Европе после Германии. В мире нет ни одной автомобилестроительной компании, которая не была бы заинтересована в инвестициях в Россию. Для диверсификации также необходима сильная предпринимательская культура и развитие малого и среднего бизнеса. Здесь требуется не только финансирование, но и

соответствующее образование, дающее навыки коммерции. Совершенно очевидно, что невозможно создать успешные малые и средние предприятия, не предоставив им возможностей для роста. А рост означает, что предприятия должны понимать, каким образом выстроен глобализованный мировой рынок. Иначе они не выживут в борьбе с глобальной конкуренцией в собственной стране. В России есть несколько замечательных примеров. Такие компании, как «Яндекс» и Mail.ru показали на деле, как можно преуспеть. Я смотрю в будущее довольно оптимистично, в особенности, если учитывать такие сильные стороны России, как уровень образования и изобретательность ее народа. Советские времена, в течение которых ему пришлось столкнуться со столькими трудностями, доказали, что народ этой страны обладает гораздо большей изобретательностью, чем многие полагают.

Э. Закамская:

Это справедливо. Я благодарю Вас за комментарии.

В заключение я хотела сказать, что за этим столом много раз прозвучало слово «потенциал», понятие «не использованный пока потенциал». Я очень надеюсь, что с каждым годом, когда мы будем собираться на Петербургском экономическом форуме и на других площадках, мы сможем все-таки все чаще констатировать, что этот потенциал понемногу, поступательно становится востребованным и реализуется в конкретных проектах.

Мне очень приятно, что среди наших зарубежных участников мы встретили готовность к открытому диалогу и к сотрудничеству. Я благодарю всех за внимание.